

О. Г. Усенко (г. Тверь)

О НАЧАЛЬНОЙ (ДОНЕКРАСОВСКОЙ) ИСТОРИИ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

Исследований по истории “первоначального” кубанского казачества (“раскольщиков”, “окреан”, “некрасовцев”) чуть больше десятка, при этом ни одно из них не может претендовать на статус обобщающей работы. Анализ их содержания показывает, что львиная доля известных нам сведений относится к периоду после 1708 г., когда на Кубани осели донцы под предводительством И. Некрасова. Что же касается “донекарасовского” периода жизни кубанских казаков, то известия о нём скудны и отрывочны, к тому же не уточнялись и не пополнялись уже целый век – с тех пор, как была издана работа П. П. Короленко.

Цель моего доклада – ввести в научный оборот сведения о жизни кубанских казаков в 1692–1702 гг., извлечённые из фондов Российского государственного архива древних актов, а также из опубликованных источников, оставшихся вне поле зрения исследователей.

История “первоначального” Кубанского казачьего войска ведёт свой отсчёт с 1692 г. Местом его пребывания служил городок Копыл (Славянск-на-Кубани), а численность к лету 1702 г. составляла 120 человек (имеются в виду полноправные казаки-мужчины).

Уже в июле 1692 г. русские обитатели Кубани заявили о себе участием в “басурманском” набеге на Дон. По сообщению жителей Козачьего городка на Северском Донце, 31 июня “перелезли через реку Дон с ногайской на крымскою сторону воинские люди калмыки, азовские татаровья и с ними раскольщики многое число меж городков Решетова и Вешок, и били де под городок войною, и отбили у них конския и животинныя стада, и пошли де вверх по реке Дона, и кочуют меж речек Белой и Чёрной Калитвы. А чают де они, донские казаки, что де замысл их басурманской – имеют намерение войною приходить великих государей под украинные города по Новой черте в сенокос и в жатвяную пору...”

В 1693 г. имел место новый поход: “собиралось де нагайских татар и черкес и азовцов и расколщиков донских казаков... тысячи с три и болши и пошли под Пензу и под Рамзай и под Мокшанск...; а хотели сказыватца расколщики донскими станишными казаками и имат вышеписанные города обманом; а пошли те воровские люди июня в 10 де(нь)”.

[с. 67]

После столь же масштабного, но неудачного похода на Дон 1694 г. (в союзе с ногайцами и калмыками) кубанские казаки, видимо, перешли к тактике мелких набегов. В 1695 г. из Астрахани к Чёрному Яру был отправлен отряд стрельцов в погоню “за кубанскими татарами и за воровскими казаками”. По всей видимости, отряд был небольшой, из чего можно заключить, что и “воровских людей” было не очень много. И тем не менее стрельцы, очевидно, были разбиты, поскольку 13 из них попали в плен.

Однако отношения между русскими насельниками Кубани и жителями донских и “украинных” городов нельзя сводить к одним лишь военным конфликтам.

Во-первых, на Дону по-прежнему жили родственники и свойственники некоторых кубанских казаков, и, судя по всему, кубанцы поддерживали с ними связь. Благодаря этому обитатели Кубани могли получать информацию о том, что происходит по ту сторону российской границы, а жители Дона, в свою очередь, – информацию о планах “басурман”. Родство с “окреанами” могло оказаться полезным и для донцов, попавших в плен к татарам.

Например, весной 1699 г. на р. Куньре ногайские татары пленили 7 донских казаков, однако через полтора месяца были вынуждены опустить их на свободу. Дело было в том, что у двух пленных были свойственники среди кубанских казаков, “и те де казаки по свойству били челом о свободе их Шагиму салтану, и Шагим де салтан, собрав их всех, велел жить в городке Копыле и служить с такими ж казаками вместе”.

Во-вторых, можно полагать, что кубанские казаки, хотя бы иногда, выполняли роль посредников при освобождении за выкуп русских людей, взятых в плен кочевниками, или же при обмене их на “басурман”, живущих в неволе на Дону или в “украинных” городах.

Так, астраханского стрельца Василия Переносова, пленённого в 1701 г. “кумыцкими татарами”, сначала “отвезли в кумыки, а ис кумык хозяин ево Уразай привёз на Кубань и отдал ево на выкуп городка Копыла казаку Емельяну Иванову за тридцать за пять рублёв”.

В-третьих, на Кубань время от времени убегали донские казаки, причём бывало и так, что кое-кто из них потом бежал обратно.

Например, осенью 1699 г. отправились в лодке на Кубань 3 “старожилых” казака из Рыковской станицы Черкаска – Семён Иванов, Никита Сидоров Хохlach и Дмитрий Осипов Строинской. Все они были бессемейны и бездетны. Мотивы первых двух неизвестны, а вот Строинской объяснил свой побег тем, что “одолжал и обеднял, а тех де долгов тем займщиком платить стало нечим”. Однако весной 1702 г. все трое отправились вместе с остальными казаками ловить рыбу на Чёрное море и оттуда на лодке сбежали в Азов, прихватив двух русских невольников. Кроме того, одной из причин возвращения на родину могло быть нежелание принять “старую веру”: если верить

[с. 68]

С. Иванову, местные казаки “чинили ему обиды и разоренье, что по их обыкновению веру не держал”.

В-четвёртых, кубанские казаки тайно вывозили с Дона нужных им людей, прежде всего церковнослужителей-“староверов”. Так, в начале августа 1702 г. “городка Капыла атаман Савелей Похомов и все казаки с общего совету послали от себя через Крым на Северной Донец восьм человек казаков к роскошнику Авилу для взятья ево к себе в городок, и о пропуске ис Крыму взяли у хана проезжей лист”.

Указанный Авилка был на Дону известной личностью, особенным уважением он пользовался у верховских казаков. Стремление кубанцев увезти его к себе, помимо этого, может объясняться и тем, что в 1701 г. им заинтересовались официальные власти, так как его имя всплыло в связи доносом беглого стрельца Фёдора Аристовова на казака Тишанского городка Лёвку Сметанина.

Весной 1700 г. Л. Сметанин рассказывал казакам следующую новость: “Государь де царь Иоанн Алексеевич жив и живёт во Иерусалиме, а сшол де он во Иерусалим для того, что бояре воруют”. Ф. Аристов доносил, что “ему де, Лёвке, про него, государя, что он, государь, жив, сказывал неведома какова чину человек Авилка, а пришол де тот Авилка из Еросалима, и на Дону того Авилку донские казаки почитают за святого, потому что де тот Авилка им, казакам, кто из них придёт к нему о чём справитца, пророчествует. И в первой де Азовской поход тот Авилка им, казакам, сказывал, что Азова они не возьмут, а в другой поход он же им сказал, что Азов они возьмут. Да тот же Авилка держитца расколу, к русским попам, которые приезжают на Дон из русских городов, к благословию не ходит”. На допросе Л. Сметанин сказал, что “пришлой человек Авилка... живёт на реке Калитве Белой, которая впала в Донец”.

Теперь пора остановиться на внутренней жизни кубанского казачества в конце XVII – начале XVIII вв. Нормы управления и общежития, по всей видимости, были те же, что и на Дону. Все казаки жили в отдельных куренях. Такой порядок проживания, видимо, был

обязательным для полноправных членов Кубанского войска, поскольку пришельцам, принятым в казаки, приходилось покупать себе отдельный курень. Возглавлял Кубанское войско атаман. В 1702 г., как уже упоминалось, атаманом был Савелий Пахомов. Судя по тому, что и в 1708 г. он возглавлял кубанцев, можно предположить, что С. Пахомов был их бессменным предводителем с момента оседания на Кубани или с 1695 г., когда погиб Лев Маноцкий.

Главным занятием кубанских казаков было рыболовство, и прежде всего – морское. Ежегодно весной и осенью на Чёрное море отправлялись “ватаги”, причём приехавшие осенью могли остаться у моря на зимовку и вернуться в Копыл только весной. Большая часть улова, скорее всего, распродавалась – либо тут же, на берегу, приехавшим специально для этого турецким и

[с. 69]

татарским купцам, либо в близлежащих турецких городах (Темрюке, Тамани, Ачуге). Членами “ватаги” были полноправные граждане (“казаки”), но в качестве помощников могли привлекаться и русские невольники.

Судя по всему, рабовладение у кубанских казаков было нормой. Для продажи “ясыря” в Копыл ехали татары отовсюду – и кубанские, и ногайские и кумышские (кочующие по р. Куме). “Окреане” покупали у них русских пленных как для получения за них выкупа, так и для использования их труда (к примеру, сбежавший в Азов летом 1702 г. Иван Алексеев 4 года провёл в рабской зависимости у кубанского казака Федота Иванова сына Боярченка). Но “окреане” и продавали рабов – тем же кочевникам (например, ногайцам), армянским купцам, а может быть, и туркам. Возможно также, что одним из способов получения дохода наиболее уважаемыми и зажиточными казаками было то самое посредничество в получении “окупа” за русских невольников, о котором уже говорилось, – ведь посредник мог требовать с родственников пленника сумму, несколько большую той, что желал получить рабовладелец.

Анализ политического статуса Кубанского войска в конце XVII – начале XVIII вв. показывает, что оно не было “вольным”. В своих внутренних делах оно, скорее всего, сохраняло автономию, однако официально подчинялось турецкому султану и его вассалу – крымскому хану, непосредственными же начальниками над кубанскими казаками были ачугевский паша и мурза кочующих близ Копыла татар.

Зависимость от мурзы проявлялась, во-первых, в том, что кубанские казаки должны были ходить на войну под его началом. Во-вторых, именно он давал разрешение жить в Копыле тем, кто желал стать членом Кубанского войска. Причём прошение об этом подавалось не ему лично, а его представителям, обитающим в городке рядом с казаками. Например, уже упоминавшиеся донцы, покинувшие Черкасск осенью 1699 г., вели себя так: “И приехав де на Кубань в городок Капыл, и в том де городке сказались кубанским татаром, что они приехали к ним жить и служить с такими ж казаками вместе. И татары де им в том городке жить велели”.

В то же время статус Кубанского войска определил уникальность его истории, являющей нам пример мирной жизни бок о бок людей вроде бы антагоничных вероисповеданий.

[с. 70]
